

СЕРГЕЙ РАФАЛОВИЧ ОБ АРМЕНИИ И АРМЯНАХ

Сергей Рафалович—русский литературный деятель начала XX в. Мы уже обращались к его деятельности в Закавказье, где он в 1918—1920 гг. развернул активную литературно-общественную работу. Представляя его непосредственное участие в литературно-общественной, издательской жизни края, одновременно мы отметили, что он выступал в печати с десятками разнообразных статей, из которых особенно примечательны материалы, отражающие трагические страницы истории армянского народа. В этой связи мы обратились к статьям «Правда о бакинских событиях» и «Свобода мертвым (Pro Armenia)», показав искреннее и душевное отношение русского поэта к Армении и армянскому народу*. Отметим, что первую статью Рафалович написал сразу же после известных событий в Баку 15—20 сентября 1918 г. как очевидец, когда турецкие войска и мусаватистские банды истребили около 30 тыс. армян, а второй статьей, посвященной разоблачению политики великих держав в отношении армянского народа, Рафалович призывает их от слов перейти к делам и спасти нацию, находящуюся на краю гибели. На фоне последних трагических событий, имевших место в жизни Армении и армянского народа (геноцид армян в Сумгаите, резня в Кировабаде, в Баку, блокада Армении и Карабаха, землетрясение, неоценимая мировая помощь Армении, новый геноцид в Баку), этот документальный материал имеет несомненную познавательную ценность.

А. А. ЗАКАРЯН

ПРАВДА О БАКИНСКИХ СОБЫТИЯХ¹

В газете «Грузия» (№ 72) за подписью «Русский» появилась статья: «Будущее Кавказа и армяне», проникнутая скрытым пристрастием к азербайджанским мусульманам и явной и резкой враждебностью к армянам.

Не входя в обсуждение вопроса, насколько для представителя третьей национальности допустимо и прилично вмешиваться в острую рознь двух других не с целью их примирения, а для того, чтобы подливать масло в огонь, я считаю уместным спросить автора данной статьи, принимает ли он на себя ответственность за те положения и фактические данные, которыми он подкрепляет свою аргументацию, направленную против армян? Я имею в виду все его указания на события, имевшие место в Баку, и свидетелем которых я был.

Факты, приводимые по отношению к другим местам, я оставляю в стороне, так как о них я не осведомлен. Но если г. Русский применил и здесь такой же способ освещения действительности, к какому он прибег, описывая бакинские события, то эти факты не заслуживают ни малейшего доверия. Отвечая на «обвинительный акт» газеты «Ашхатавор»², предъявленный Азербайджанской республике, г. Русский пишет: «В этом обвинительном акте повторяется старая

* А. Закарян, Русский писатель С. Рафалович о сентябрьских событиях в Баку 1918 г. (Вестник общественных наук АН АрмССР, 1988, № 2, с. 48—51); *Հրապարակ*, 22, XII, 1989.

¹ Кавказское слово, 3 (20.) XII. 1918.

² Ашхатавор (Нор Ашхатавор)—ежедневная газета, издавалась с 1917 г. по 1921 г. в Тифлисе, орган армянской революционной партии Дашнакцутюн. Имеется в виду редакционная статья газеты «По поводу письма Джафарова», опубликованная в ней 20 ноября 1920 г.

сказка о 30.000 армян, якобы убитых при взятии Баку... вообще о том, что в Азербайджане производится систематическая травля на армян, производится не только разбойниками, но и правительственными чиновниками... Что же мы видим в действительности? При взятии Баку... для поддержания порядка вошедшими войсками были немедленно повешены все мародеры и разбойники без различия национальности, захваченные на местах преступления. Всего было таким образом повешено несколько человек... несколько десятков человек, попавших под обстрел, было убито в домах и на улицах... При взятии Баку и за все время существования Азербайджанской республики погибло армян меньше, чем в марте этого года было убито армянами мусульман в Баку»... и т. д.

Так пишется история г. Русским. Прежде чем привести факты, в корне опровергающие утверждение г. Русского я должен сделать две оговорки, равно важные и лично для меня и для читателей этих страниц. Во-первых: на Кавказе я нахожусь впервые, ни с одной из трех главных национальностей Закавказья—не связан и национальным вопросам и трениям был и остался чужд. Свидетельство мое должно быть воспринято, как показание совершенно объективного очевидца, к тому же к политике никогда отношение не имевшего и побуждаемого исключительно возмущенным чувством справедливости и правды дать настоящее и беспристрастное освещение фактам, искаженным с недопустимым... легкомыслием. И во-вторых—всякое насилие, всякое зверство, кем бы оно ни проявлялось и в какой бы мере ни проявлялось, всегда одинаково безобразно и отвратительно, и по существу мне кажется безразличным, погибло ли от резни 3.000 или 30.000 человек.

Но количество жертв имеет само по себе самое реальное значение и во всяком случае никто не имеет право произвольно и сообразно личным целям и расчетам оперировать с цифрами и извращать факты.

Г. Русский, по-видимому, несколько в этом отношении не стесняется, если только не был кем-нибудь введен в заблуждение. В этом случае он по неосторожности взял на себя большой грех.

Во время мартовских событий в Баку было убито—согласно утверждениям самих мусульман, от которых я это лично слышал, около трех тысяч мусульман, причем подавляющее большинство приходилось на бедноту, главным образом, на амбалов. Из видных мусульман погибло всего несколько человек. Я могу назвать: Балахмета Муктарова, его зятя Султанова, еще другого Султанова, Везирова. Зная лично или по имени приблизительно всех видных мусульман в городе, я смело заявляю, что все они целы и невредимы и сейчас. Они частью успели бежать, частью были скрыты своими друзьями, русскими и армянами и выехали впоследствии, по большей части в дачные места под Баку, а кое-кто в Персию, и вернулись после взятия города турками.

Асадулаевы и Гасановы были укрыты Бегляровыми и Меликовыми, Таги-Нагиев и Садыковы прятались у Туманянца и Шагидановых. Старик Тагиев и Муса Нагиев оставались у себя. Бебут-хана Джеваншира спасли Шаумян и Джапаридзе и т. д.

Во время осады города, наперекор утверждению г. Русского, мусульманам не приходилось охранять жизнь армян, так как последние были в полной безопасности, а при взятии города, когда началось избиение армян, кое-кто из них действительно нашел убежище у мусульман, однако, я как раз был свидетелем целого ряда

фактов противоположных, когда мусульмане, в марте прятаясь у армян, отказывались оградить своих прежних спасителей от банд, устраивающих на них облавы.

Что касается количества убитых во время этого погрома, то, конечно, точного подсчета, как и в марте, произведено никем не было. Но что число убитых в сентябре в очень значительной мере превышает число мартовских жертв, это я утверждаю, как очевидец и первой и второй резни. В продолжение многих дней большими возами и грузовиками вывозились трупы из города. Еще на восьмой день после погрома в центральной и привокзальной частях города, где я сам обходил улицы и дома, стоял невыносимый трупный запах. В районные и участковые домовые комитеты звонили по телефону и лично приходили многочисленные представители домовых комитетов, умоляя их добиться у властей перевозочных средств, чтобы удалить трупы, находящиеся в разных домах. Я видел в разгромленных домиках квартир трупы—изнасилованных и тут же убитых женщин и грудных детей, валявшихся в крови. Я могу указать дома, квартиры и представителей домовых организаций, которые вместе со мною совершали эти обходы и подтвердят каждое мое слово.

Спорить о цифрах я не берусь. Но мне говорили о 20—25 тысячах убитых люди—абсолютно нейтральные—и совершенно объективные русские, стоявшие во главе центральной домовой организации, т. е. имевшие наибольшую возможность хоть приблизительно установить количество вывозимых трупов, и высшие чины прежнего судебного ведомства, люди, достаточно компетентные в подобных вопросах. Во всяком случае они были свидетелями событий 1905—1906 гг. и мартовских и сентябрьских событий текущего года, и определенно и согласно заявляли, что с последней сентябрьской резни предыдущие две не могут быть сравнены, до того она их превзошла.

А о разгроме, сопутствовавшем ей, и говорить не приходится. Это было нечто действительно феноменальное. И если в убийствах главным образом повинны местные татары, то ответственность за грабежи в полной мере делят с ними и турецкие аскеры. Сам комендант города, полковник Назим-бей, командовавший армией, взявшей Баку, выразился следующим образом по поводу этого погрома, в беседе с одним моим приятелем: „et quand enfin je suis entré dans la ville ce que j'ai vu c'était éporné“*.

Турецкими властями, действительно, среди города были поставлены виселицы и несколько мародеров было повешено и в продолжение трех дней для устрашения населения они продолжали висеть на виду у всех. На них были накинута украденная ими вещь: простыня, ковер и т. п. Это были случайные и жалкие воришки. Все остальные грабители, расхитившие предметы, ценности и деньги на десятки, если не на сотни миллионов, остались безнаказанными.

Но все вышеизложенное касается момента анархии во время и непосредственно после падения города и было совершено дикими и безответственными массами.

Гораздо значительнее и возмутительнее планомерные действия ответственных правителей, всего азербайджанского кабинета, переехавшего из Ганджи в Баку и взявшего в свои руки власть³.

* «И когда, наконец, я вступил в город, то, что я увидел,—было чудовищно».

³ Речь идет о мусаватистском правительстве, которое было создано в начале мая 1918 г. в Тифлисе. 27 мая Азербайджан был объявлен им независимым, в июне правительство переехало в Гянджу, затем 17 сентября—в Баку.

Изо дня в день стали производиться аресты среди армян, причем иные исчезали бесследно и окончательно, а другие после долгих поисков со стороны родных и знакомых в конце концов отыскивались в каком-нибудь из мест заключения. О первой категории арестованных один из видных мусульман, близкий членом правительства, говорил, что их увозят в Ганджу, но что они туда... не доезжают. Говорил он это по поводу исчезновения своего управляющего и друга. Несмотря на свою близость с министром внутрен[них] дел, мой знакомый был совершенно бессилен кому бы то ни было помочь и таким образом не мог отплатить армянам, спасавшим его в марте и темпизмившимся в заключении, облегчением их участи. Наряду с этим происходили постоянные облавы на армян группами татар, и в участковые комитеты обращались перепуганные и возмущенные обыватели — русские, евреи, грузины с просьбой немедленно добиться вмешательства турецких властей и присылки аскеров в тот или иной дом.

Передаю я это не по слухам, а по личному опыту, ибо я был близок к некоторым домовым организациям, а в шестом участке, например, бывал часто и подолгу. Нужно сказать, что турецкие власти как бы они в тайне ни сочувствовали подобным действиям азербайджанцев по отношению к армянам, но формально вели себя корректно и оказывали армянам некоторую помощь в иных случаях. Длительная травля армян, облавы, аресты, исчезновения и вызвали между прочим официальный протест консулов нейтральных держав, на днях опубликованный здешними газетами⁴.

В свое время, до моего отъезда из Баку, очень обеспокоен подобным положением вещей был и русский национальный совет, который долго обсуждал вопрос о том, в какой форме наиболее приличной и удобно было бы его выступление и вмешательство: в форме ли непосредственного обращения к правительству, или к Нури-паше, в форме ли запроса со стороны русской фракции в управе и т. д. Мнения расходились и я не знаю, какое решение было принято. Но все приводимые мною факты, со ссылками на учреждения, организации и лица, которые в любой момент могут быть запрошены и подтвердят мои слова, в сущности могли быть мною опущены, ибо все они ничто перед личным свидетельством минист[ра] внутренних дел, который в моем присутствии у общих знакомых и при свидетелях неоднократно высказывался по Армянскому вопросу. Я приведу некоторые его слова, за безусловную точность которых ручаюсь.

«Сегодня у меня были Тагианосов и... (фамилию другого видного армянина я забыл). Я им сказал, что в их интересах не являться ко мне и не ходатайствовать ни за кого, потому что, когда я разговариваю с армянами, во мне подымается такое озлобление, что я сам себя не помню и это, конечно, только может ухудшать положение армян».

Когда один из присутствующих заметил министру, что при наличии таких чувств и настроений ему не следовало принимать министерского портфеля, а в особенности по внутренним делам, он ответил:

«Что вы говорите? Да я ведь пошел в министры только для того, чтобы разделаться с армянами».

От этого портфеля он действительно отказаться не хотел и хотя был бы более на месте — как министр торговли и промышленности и

⁴ Ашхатавор, 27. XI. 1918.

этот пост ему настойчиво предлагали, он после долгих колебаний согласился его принять лишь с тем, что одновременно останется и министром внутренних дел.

Я не могу утверждать, что все азербайджанское правительство без исключений было проникнуто диким озлоблением одного из министров, но что многие с ним совершенно сходились, это факт, который подтверждается следующим.

Мой знакомый мусульманин, о котором я уже упоминал, самый нейтральный, нравственный, здравомыслящий и порядочный из всех, кого мне приходилось встречать, обсуждая общее положение и дела республики в связи с многочисленными ее финансовыми, экономическими, продовольственными затруднениями и мерами, которые следовало бы принять, как-то сказал: «А, между тем, наше правительство занято только двумя делами—истреблением армян и формированием азербайджанских войск».

Такова правдивая история о бакинских армянских событиях и о политике азербайджанского правительства в Армянском вопросе.

А всем тем, кому любопытно узнать, как пишется теперь эта история—неизвестно из каких побуждений и с какими целями—я отсылаю к статье г. Русского.

СВОБОДА МЕРТВЫМ (PRO ARMENIA)*

«В настоящее время на нас напал другой представитель «высшей культуры»—Турция. Мы приложили все усилия к тому, чтобы избежать конфликта, но я не скрою от вас, что рад происшедшему. Конечно, не с магометанами воюем мы, а с турками.

Они господствовали над большинством стран, которые были колыбелью цивилизации и поочередно находились под одинаково деспотической властью ассирийцев, вавилонян, персов, греков и римлян; но все эти народы оставили их процветающими и утопающими в роскоши. Что сделали из них турки? Они пришли в эти плодородные страны и от поступи их обгаренных кровью сандалий увяла и приостановилась всякая жизнь, иссякло плодородие во всех этих землях. Народы, которые они покорили своей власти, в течение столетий были жертвами их лености, невежества и сластолюбия, а теперь настал великий день суда над народами. В этой гигантской борьбе между правом и несправедливостью туркам пришлось идти рука об руку с опустошителями Бельгии. Разорители Армении и опустошители Фландрии оказались подходящими союзниками».

Так говорил 14 ноября 1914 года, т. е. в самом начале войны, Ллойд-Джордж, доказывая англичанам правоту дела, за которое сражались союзники. Это было до резни армян турками, произведенной в течение 1915—1916 годов, причем жертвы исчисляются 700 000 человеческих жизней. Как известно, эта резня вызвала коллективный протест Англии, Франции и России, которые заявили тогда же, что считают Турцию ответственной за нее и подлежащей суду в лице своего правительства. Протест по поводу событий 1915 года был последним в длинном ряде подобных же выступлений по Армянскому вопросу, который в течение прошлого века неоднократно волновал общественное мнение и правительственные круги культурных стран Европы, за исключением одной только Германии, которая даже эмигрировала в последнюю попытку России сговориться с Турцией⁵ и свела

* Закавказское слово, 8. II. 1919; Наше время, 12. II. 1919.

⁵ Имеются в виду русско-турецкие и русско-немецкие переговоры 1912—1913 гг. по вопросу реформ Западной Армении, которые не увенчались успехом.

на нет благое начинание. Германия с полным правом могла недавно ответить армянам, что обещания были им даны неоднократно Англией, Францией и Россией, но, что она, Германия, никогда ничего не обещала и поэтому никаких обязанностей в этом отношении не несет, а вмешиваться во внутренние дела своей союзницы—Турции—ей представляется чрезвычайно деликатным делом. Такой ответ, формально правильный, основывался на величайшей жестокости и на грубейшей неправде, ибо для всякого очевидно, что стоило в то время Германии поднять мизинец, чтобы Турция распласталась перед нею и беспрекословно исполнила ее волю. Но что было Германии до нескольких сотен тысяч погибших или гибнущих армян? Разве пожалела она бельгийцев, сербов, черногорцев, французов? И, говоря это, мы не имеем в виду армии, выставленные этими народами, а мирное население сел и городов.

Однако, что свойственно Германии, едва ли может быть признано таковым для тех держав, которые выступили против нее именно с тем, чтобы раз навсегда покончить с таким режимом безжалостного отношения к слабейшим.

Принципы, идеи и слова обязывают.

И то, во имя чего велась война союзникам, во имя чего собралась Парижская конференция⁶, не может остаться пустым звуком.

Европа несет тяжелый грех перед многими малыми народами, среди которых одно из важнейших мест, по страданиям, выпавшим на его долю, занимает народ армянский. И если до сих пор сложные политические отношения и комбинации, пресловутое европейское равновесие мешали теперешним победителям от слов переходить к делам и заставляли их ограничиваться благими пожеланиями и увещаниями, то, наконец, наступило время искупить свои прегрешения и воспользоваться новой политической обстановкой прежде всего для того, чтобы исправить вековые несправедливости и спасти гибнущих. Это—прежде всего, прежде сведения счетов с виновниками войны и прежде установления нового строя, который должен на будущее время предотвратить возможность повторения прошлых международных злодеяний.

И если я начал со слов Ллойд-Джорджа, то сделано это сознательно и по той причине, что в Закавказье пришли англичане⁷ и что на их глазах продолжается убиение и вымирание армянского народа.

Всем уже известно, что беженцев армян из Карса и Карсской области не пускают обратно местные⁸, но в сущности пришлые татары и оставшиеся там в нарушение мирных условий турецкие аске-

⁶ Речь идет о мирной конференции, открывшейся в Париже 18 января 1919 г. (с некоторыми перерывами она продолжала свою работу до 21 января 1920 г.). Конференция была созвана с целью разработки и подписания мирного договора с побежденными государствами в первой мировой войне. Однако она не дала результатов для Армении. Единственное, что было сделано,—это де факто признание 19 января 1920 г. Армянской республики.

⁷ Впервые английские войска вступили в Закавказье, в частности в Баку, 4 августа 1918 г. и оставались там до 14 сентября. Они утвердились в Закавказье с 17 ноября 1918 г., когда Баку вновь был оккупирован ими, после чего они распространили свою власть на другие районы Закавказья. Покинули край осенью 1919 г.

⁸ В апреле 1918 г. Турция захватила Карсскую область. Год спустя турецкие войска оставили область, и она вошла в состав Армянской республики. В октябре 1920 г. турки вновь оккупировали Карс, а по Карсскому договору от 13 октября 1921 г. область отошла к Турции.

пы со своими начальниками. Всем известно, что там скопилось несколько сот тысяч пудов зерна, награбленного ими в Армении во время их пребывания там, до победы союзников и заключения перемирия. Всем известно, что Армения вся голодает и коренное население умирает от голода и вызванной им эпидемией и поэтому не в состоянии оказать хотя бы малейшую помощь тем ста тысячам беженцев, которые на берегу реки Арпачай ждут разрешения переправиться к себе домой.

Нужно громко, на весь мир, вопить о том, что происходящее теперь там ложится позором на Европу, что вопрос не может и не должен быть поставлен в порядке частной или государственной благотворительности, что это исключительно вопрос политический, который должен получить немедленное разрешение именно в плоскости политической. Конечно, хлеб и медикаменты могут быть доставлены из Аргентины, Персии и Европы. Но на это уйдет много времени, во всяком случае слишком много для того, чтобы спасти умирающих. Нужно доставить хлеб оттуда, где он находится в непосредственном соседстве, т. е. из смежных уездов Азербайджана, из Карсской области, если беженцев туда не впустят немедленно, и с Северного Кавказа.

Казалось бы, чего проще? Дайте деньги, купите хлеб и везите его. Но я повторяю, что вопрос не в деньгах, а в политике. Азербайджан не дает хлеба для Армении. И Карсская область тоже не дает его, хотя он был награблен в самой Армении, не дает потому, что занята притязаниями, политической враждой, и, следуя тайным указаниям Турции, заявляет притязания на самостоятельность с присоединением к ней Ахалциха и Ахалкалак. Не входя в обсуждение основательности таких желаний, оставляя совершенно в стороне этот вопрос, необходимо ясно и определенно заявить всем заинтересованным, что никакие соображения и расчеты не оправдывают гибели народной, и прежде всего это нужно сказать находящимся здесь представителям той державы, которая ради права, справедливости и свободы бросила навстречу возможной смерти миллионы своих сыновей, когда никакая опасность не грозила им дома.

И если за несколько дней до объявления войны Англией Ллойд-Джорджа спрашивали с тревогой о том, неужели Англия примет участие в войне, а накануне ее объявления, когда всем стало известно о нарушении нейтралитета Бельгии и о немецких жестокостях, с такой же тревогой обращались к нему с вопросом: неужели мы не объявим войну? Если каждый англичанин тогда готов был сказать, что говорили многие и что упоминает Уэльс в своей книге о войне: «Мне будет стыдно звать себя англичанином и оставаться мирным зрителем того, что происходит на континенте», — то как же теперь решится Англия оставаться зрительницей, а не сразу и самым решительным образом вмешаться и добиться всего, что нужно для спасения умирающего народа?

Я не знаю, что трагичнее этого умирания в то самое время, когда празднуется победный апофеоз союзников и раздаются *urbi et orbi*⁹ речи участников Парижской конференции, когда ведутся переговоры о границах будущей самостоятельной Армении, в то самое время, когда вымирает ее население?

Конечно, немного стоит жизнь без свободы. Но скажите на милость, чего же стоит свобода, даруемая мертвому?

⁹ В переводе с латинского — во весь мир.